

Алекс НОРК

День
СВЯТОГО
Нормана
Грея

Алекс Норк

День святого Нормана Грея

*Текст предоставлен правообладателем
День святого Нормана Грея: ИП Евдокимов В.С; 2010
ISBN 978-5-8235-0003-4*

Аннотация

Триллер связан с научной фантастикой идеей о том, что тяжелые металлы представляют собой несоизмеримо более сложный электронный и структурно-вещественный мир, чем то, из чего состоит человек. События происходят на очень богатом острове, где-то в Карибском море. Кровь, странным образом, сочетается с юмором.

Алекс Норк

День святого Нормана Грея

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

– Не горячитесь, мистер Грей. Резиденция американского консула находится на Ямайке, он прилетает сюда только по особым обстоятельствам.

– А адвокаты тоже живут на Ямайке и прилетают по обстоятельствам?

– По нашим законам предварительное дознание проходит без адвоката.

Офицер говорил по-английски слегка растягивая звук, и Норман вспомнил, что девочки говорили точно также, и что вообще остров англоязычный.

В голове все металось, прыгало, и было противно, что с этим не удастся справиться.

Еще портрет. Такой же висел над входом в тюрьму, переделанную из старого форта, и в помещениях, через которые пришлось пройти. Какая-то черная физиономия в ку-

нней мантии с жезлом и императорским символом – шаром, над которым вместо орла водрузился четырехглавый попугай. Зачем-то хотелось рассмотреть монаршую рожу, и это тоже мешало собраться.

– Вы расскажите, как было дело, мистер?

Он именно этого и хочет... но, черт возьми, в голову просто не приходила мысль, что все может повернуться вот так против него. И собственный голос слышится немного со стороны, словно чужой. Надо взять себя в руки. Надо!

Они зашли сюда в порт два дня назад, потому что Бобби не терпелось взять на яхту девчонок. Норман даже не был на берегу – просто рассматривал красивую и очень хорошо оборудованную портовую гавань, гору вдали, на другом краю острова. Кажется, остров всего около двадцати миль длиной.

Бобби появился уже через полчаса, с двумя смуглыми, улыбающимися во весь ослепительный рот девицами.

– Гляди-ка, какая прелесть, Норман! Можно мы будем называть вас обезьянками?

– Можно-можно.

И кто-то из магазина сзади за ними тащил корзину с покупками, хотя на яхте и так все было.

Когда Бобби гуляет, Лас-Вегас может скромно потупить глаза.

Нормана это слегка раздражало еще со школьных времен,

но с Бобби ничего не поделаешь, к тому же, его кураж всегда окрашен исключительным добродушием.

Бобби был, что называется, «баловень судьбы», потому что имел с десятков очень богатых старых родственников, единственным наследником которых являлся. Ему принадлежали два завода, где он, кажется, ни разу не побывал, еще что-то, и еще что-то. А две недели назад Бобби позвонил Норману и веселым голосом сообщил: «Мне тут опять известным образом выпало. Давай оттянемся на яхте, пока ты не охренел совсем в своей лаборатории».

Норман как раз закончил важную серию экспериментов, нужно было сделать паузу, чтобы осмыслить, потому что среди результатов были и очень неожиданные.

– Значит, вы отплыли от острова с двумя нашими девушками?

Они просто отплыли, не задаваясь определенным направлением.

Очень милые проституточки, совсем неглупые, с хорошим, своего местного колорита юмором.

Им так нравилась шикарная яхта и французское шампанское, которым их Бобби опаивал. Норман даже предупредил, чтобы знал меру – чего доброго, девчонки попадают за борт. А к вечеру сам Бобби скатился по лестнице кубарем в нижний салон, и ему было уже на все наплевать.

Тут Норман окончательно понял, что все корабельные функции ложатся исключительно на него.

Днем можно было идти малым ходом на автопилоте и лишь время от времени посещать рубку. Теперь же следовало задуматься, и именно ему, потому что прочие не собирались этого делать.

Дрейфовать было опасно – сейчас волна небольшая, но кто знает, что будет к утру. Значит, для спокойного сна нужно обязательно найти подходящее место и встать на якорь. Хорошо, что он понял это до наступления темноты – еще можно было сориентироваться через сильный бинокль.

И рассматривая с кормы водяную даль, Норман разглядел вершину горы того самого острова, а потом определил расстояние – полный ход, и мощный двигатель донесет их туда за час с четвертью.

Добрались даже еще быстрее, но пришлось поискать место, потому что подводный рельеф сочетал мелководья с большими глубинами. От усидчивой работы Норман совсем протрезвел, и решил, что оно и к лучшему.

Ночью... он сквозь сон почувствовал, как вздрагивает яхта. Не сильно, странными мелкими рывками.

Не возникло ощущения страха, наверное, потому, что отсюда до берега нетрудно добраться вплавь, и спустить с яхты легкий глиссер можно за какие-нибудь десять секунд.

Но ситуация требовала разъяснений.

Спальные помещения находились внутри носовой ча-

сти, Норман, пройдя по коридорчику, ступил на лестницу вверх... Дверь наверху, на палубу, оставалась настежь открытой, и он, поставив ногу, приостановился.

Звук был негромким, но отчетливым и очень частым: пых, пых-пых-пых, пых... Сразу показалось, очень похоже, как если бы кусочки раскаленного металла погружали в воду – слишком знакомый для него звук. Именно такой, коротко-шипящий, раздается, когда металлический сплав из лабораторного тигля опускают в химический раствор.

Он осторожно стал подниматься по лестнице, вслушиваясь в странный звук, и, оказавшись уже на верхней ступеньке у выхода, вдруг понял, что звук пропал. Точнее, почти. Отдельное – пых – донеслось до него... еще одно. Норман осторожно выглянул на хорошо освещенную палубу и тут же слегка отпрянул – в ярде от дверного проема плюхнулся и зашипел небольшой пунцово-красный раскаленный субстрат. Он просуществовал две или три секунды, но за это время Норман, профессиональным глазом успел заметить, что субстрат жидко-пенящийся. Взгляд сам двинулся в сторону, откуда могла прилететь эта дрянь, и почти тотчас из воды в пятидесяти ярдах от судна дугой вознеслись две тонкие красные полосы, и Норман услышал очередной пых на носу. Другая дуга, судя по всему, не дотянулась до судна.

Он постоял в дверях, на всякий случай не делая пока шага на палубу.

Прошло минуты две, и ничего больше не происходило.

И не было никаких подрагиваний, яхта покоилась на спокойной воде, которая была хорошо видна за бортом от яркого света судна.

Норман вышел и осмотрел бортовую часть палубы, первая половинка неприличного слова сама слетела с губ – палуба, как шкура какой-нибудь белой рыси, была в черно-серую крапину.

С полминуты он раздумывал...

Конечно, они оказались в эпицентре сравнительно небольшой вулканической деятельности. Часть раскаленных выбросов преодолело водную толщ, что не удивительно, так как при извержениях куски раскаленного субстрата взлетают в воздух иногда более чем на милю. А здесь, на отмели, всего пятьдесят футов воды. Это – они еще хорошо отделались. Он тут же подумал, что рано радоваться – следующий катаклизм способен начаться в любую секунду и, как нередко бывает, «вторая серия» может оказаться гораздо сильнее первой. Время, стало быть, терять нельзя.

Он и сделал все с максимальной быстротой, так что через минуту судно отвалило со стоянки и устремилось на полном ходу в открытый простор океана. А минут через двадцать эхолот показал под судном большие глубины. Здесь можно было спокойно продрейфовать до рассвета, до которого оставалось уже полчаса.

Но пробудилось чисто профессиональное любопытство.

Норман, поэтому, и провел время до рассвета на корточ-

ках, очень сожалея, что нет с собой никаких индикаторных химсоставов.

Странного было много, и прежде всего – по краям черно-серых пятен отсутствовала окалина.

Почему вулканический субстрат не оплавил палубную сталь по краям?

Вторая странность заключалась в слишком гладкой поверхности впаиваемых участков. Поверхность почти не отличалась от соседней стальной, гладко-катаной.

Не сумев прийти ни к какому выводу, Норман отправился отсыпаться. Наверняка на яхте где-то есть комплект подсобных слесарных инструментов. В свете дня можно будет спокойно во всем разобраться.

Яхту можно было оставить без присмотра – рифов поблизости нет, а любое другое судно увидит их и не врежется.

Чтобы лучше заснуть, он выпил стаканчик превосходного ямайского рома, и, наверное, это тоже послужило тому, что проспал почти до полудня.

Безграничная морская вода и такое же солнечное небо влюбленно взирали друг на друга, философически подсказывая человеку, что так было тысячу и сто тысяч лет назад, и через миллион лет будет, наверное, также, а его присутствие здесь всего лишь допустимо, но вовсе не обязательно. Может быть, поэтому, мысль была очень ленивой, и ничего не хотелось.

С палубы Норман увидел в трех сотнях ярдах резвящийся на спокойной воде глиссер. Одна из девочек сидела за рулем, другая, вместе с Бобби, болталась за ним на лыжах.

Вот Бобби плюхнулся в воду...

Он спустился в салон. На столе, после завтрака троицы, находились бутылки с шампанским – пустая и на треть недопитая. Даже в холодильник поленились поставить, черти.

А когда снова поднялся на палубу, там, на глиссере, занимались купанием. Бобби помахал ему бутылкой с шампанским в руке. Норман помахал в ответ и пошел искать инструменты.

Через полчаса он пребывал в полном замешательстве, и как раз компания поднялась на борт.

Бобби беззаботно, и лишь между прочим, поинтересовался, отчего яхта стала конопатой, а девочки очень удивились ночному событию, потому что, по их словам, никаких землетрясений и извержений на памяти местных жителей никогда не было.

Необъяснимо! Поверхность пятен и нетронутой палубы одинакова. Одна и та же катаная сталь, он готов поручиться.

Раскаленный пенистый субстрат просто сжег краску и испарился?.. Тогда субстрат представлял бы собой очень легкую фракцию, а она не может сохранять устойчивого накалывания, и должна была сгорать почти сразу, в доли секунд еще в воздухе. Или природа продемонстрировала то, что он вот только недавно обнаружил в эксперименте?.. Нет, он ра-

ботал с углеродом, и горящее углеродистое соединение было бы выброшено на поверхность обязательно уже в виде газа.

Чепуха, впрочем. Странное началось потом. И не странное, а страшное.

– Значит, вчера днем вы почувствовали чье-то постороннее присутствие на яхте?

– Кажется, да.

– Говорите яснее, мистер.

Что тут можно сказать яснее? Первый раз слышались странные звуки, когда он после обеда вышел на палубу. Бобби совсем осовел к концу обеда и захрапел прямо за столом, положив на него руки, а на них голову. Девицы, заявив, что опились и объелись, разлеглись по диванам – послеобеденная сиеста. Норман стоял на палубе с другой от солнечной стороны. Здесь не было пятен от ночного фейерверка, огненные субстраты сюда не долетели, зато тот борт отделали еще сильнее, чем нос и корму.

Почудились вдруг посторонние звуки. Как будто с той, другой, стороны. И он даже прошел туда, чтобы взглянуть.

– Какие звуки?

– Как если бы что перемещалось... трудно сказать точнее. Потом мне показалось, эти звуки идут от кормы. Я даже заглянул в люк машинного отделения.

Нигде ничего, и Норман решил, что просто показалось.

Пришла мысль покататься на глissере.

Катался, купался... поставил над глissером тент и задремал под ним.

Прошло в общей сложности часа три.

Солнце уже двинулось к горизонту. Норман еще раз искупался и возвратился на яхту.

Поднял на корму глissер, с кормового конца не видны срединные части бортов.

Прошел в каюту переодеться. Потом в главный салон, где никого не было.

Поднялся из него на правый солнечный борт...

Страшными были не тела людей. А кровь.

Он вдруг перестал слышать. Говорил сам себе, потому что помнит, как двигались губы, но не слышал, ни снаружи, ни изнутри.

– Почему вы не пошли сразу к острову?

– Рулевое управление вышло из строя.

– Мистер Грей, оно не вышло из строя. Когда прибыл наш пограничный корабль и яхту повели в порт, рулевое управление нормально работало.

Еще казалось, что кто-то все время подбирается к рубке. С правого борта, где трупы.

Нет, он не сошел тогда с ума, хотя было близко. Руль не работал, и кто-то подбирался к рубке. Задрожала захлопнутая им дверка, словно ее пытаются отодрать с той стороны. И в этот момент Норман увидел судно, он не запомнил, какое именно. И выскочил с ракетницей на другой борт.

– Протокол на подпись вам принесут в камеру.

– Вы не дадите мне аспирин?

Офицер посмотрел на него... в глазах прочиталось презрение. Но мелькнуло что-то еще.

Он повернулся в кресле к настенному шкафу у себя за спиной и открыл одну из дверок. Забулькало. Через несколько секунд перед Норманом оказался стаканчик с ромом.

Опять, когда провели через пять или шесть помещений, Норман испытал бессмысленное желание рассмотреть идиотский портрет. Потом пошли каменные коридоры – куда-то вниз, куда-то вверх. Сколько этим каменным сводам лет? Четыреста, пятьсот?

Камера оказалась подстать коридорам. Наверное, если бы написать о судьбах людей, здесь когда-то сидевших, получится не один десяток томов.

Здесь, когда захлопнулась железная дверь, Норман оценил поступок туземного офицера – все внутри согрелось и успокоилось. По крайней мере, теперь он вполне контроли-

рует себя и может соображать.

Норман оглядел камеру: два деревянных лежака, приставленных к стенкам, такой же грубый досочный столик посередине у изголовий, над ним окно, продольно забранное железными прутьями. А справа от двери унитаз. Грязно-серого цвета. Менее старый, чем эти стены, но лет сто ему, точно, есть.

«Попал, – бодро произнес голос внутри, – будет, что рассказать».

Однако вслед ему грубая, как прутья в квадратном проеме, явилась мысль: здесь умирали люди.

Да, это заведение не предполагает чего-то другого.

Хотя почему, некоторые выходили отсюда... во внутренний двор на виселицу.

«Чушь, – произнес голос, – ты профессор Массачусетского университета, много известных коллег, есть знакомый действующий сенатор».

Но мысль, что уже вела себя грубо, холодно указала на факты: людей было четверо и трое из них – убиты, убийца определяется простым вычитанием. Среди убитых – две гражданки чужого государства, суд которого может оказаться очень похожим на это вот самое помещение. И наконец, почему кто-то там уж очень обеспокоится? Удивятся, посожалуют – всего и только.

Норман вдруг почувствовал, что он один.

Но тут же погасил это ощущение, за которым могла по-

следовать неконтролируемая волна страха.

Факты, действительно, против него.

Но кто сказал, что на яхту не мог попасть человек, когда они ночью стояли совсем близко от берега? Это, во-первых.

Во-вторых, зачем ему убивать? В чем мотивы?

Особенно, всех троих.

И далее...

Он начал перебирать и пробовать оформить системно все косвенные доводы в свою пользу.

Часа через два ему принесли поесть.

Утром Норман ничего не ел, и голод чувствовался.

Пища оказалась не гадкой – вполне сносный овощной салат и большой кусок рыбы. Еще ему сказали, что назначенный следствием адвокат скоро приедет.

Опять коридоры и несколько помещений, потом он вошел в небольшую комнату – посередине стол, по другую его сторону пожилой темнокожий в мятом белом костюме.

– Присаживайтесь, мистер Грей.

Адвокат назвал свое имя, которое Норман не запомнил, потому что нервная синусоида опять двинулась вверх.

Он говорил, а туземный адвокат слушал, не прерывая вопросами.

Сначала Норман рассказал, как все было, потом, почти восстановив равновесие, стал излагать доводы в свою пользу.

И кажется, ничего не забыл. А по ходу, отметил для себя, что у туземного адвоката умные глаза, к тому же не мальчишка, человек с опытом.

Он закончил.

Пожилой человек, напротив, что-то обдумывал, и Норман, не торопя его, поднял глаза на портрет – тот же, что и везде: образаина в куньей мантии и со всеми признаками императорского обличья. Между прочим, у него среди наград на груди виднелась и белая звезда с красной окантовкой краев и золотым венком на медальонном кружке в середине – высший государственный орден США «Легион заслуг».

Интересно, за что это?

И морда... видимо, так уже примелькалась, что кажется очень знакомой.

– Ваши доводы в целом логичны, – заговорил адвокат, – однако боюсь, мистер Грей, они не подействуют на суд.

– Почему?

– Вы, правда, не знаете?

– Чего не знаю?

– Следователь связался с юристами в вашей стране. По заведению вашего друга вам приходится половина его состояния. Половина на благотворительность, половина вам. А это оценивается...

Норман не услышал.

И горло стало таким сухим, что он не сможет сейчас произнести ни слова.

И что произносить? Все его доводы теперь могут сыграть только против, как попытка преступника выгородить себя мелкими ничего не значащими обстоятельствами.

— Мне не хочется вас огорчать, мистер Грей, но вам грозит смертная казнь. И здесь ее приводят в исполнение практически сразу после суда.

Норман как не мог говорить, так и не смог. А черная образина в куньей мантии, показалось ему, весело на него уставилась.

— Лучше, мистер Грей, если вы вспомните, что были в состоянии сильного опьянения, что произошла какая-то ссора в пьяной компании. Давайте подумаем над этим сюжетом, и у меня появятся шансы изменить наказание на срок в двадцать лет.

И образина на портрете весело подтвердила, что так будет лучше. И даже здорово будет!

Поплывшей голове померещилось, сейчас от портрета к нему протянется здоровая черная лапа, и они стукнутся ладонями готовые к бою.

— Брук...

— Как, мистер Грей? А, да, это портрет Президента Брука. — Адвокат извлек из накладного пиджачного кармана блокнот. — Здесь очень важны детали, мистер Грей. Мы отработаем их сейчас, а вы потом, как следует, усвоите схему в камере.

Брук...

«Брук Брук, капитан», – отрекомендовался он Норману и протянул здоровенную черную лапу. «Похоже, Норман, мы решили проблему лайнбекера, – радостно сообщил тренер. – Только на тренировке, Брук, будь осторожней».

Рост – ровно два метра, вес – 130 кг. И твердый, как камень, 130 кг сухой мускулатуры. Норман сразу понял, что у этого первокурсника феноменальные физические данные.

У них всегда проваливалась защита из-за лайнбекеров, а университетская лига, в отличие от профессионалов, не может пригласить легионера. Свои же здоровяки были все неудачные. И как бы не трудилось нападение, где капитан команды Норман играл квотербеком, им часто потом приходилось терять заработанное.

Какой это был сезон! Последний, увы, для Нормана, потому что он заканчивал учебу.

Какой это был сезон! Они выиграли лигу, причем с отрывом.

Теперь команда нападения должна была оправдывать себя перед командой защиты, где чудеса творил Брук.

Он мог бы остановить и грузовик на ходу, а какого-то там устремившегося в прорыв нападающего...

В профессиональной лиге сразу заметили феноменального парня, но на все предложения Брук грустно отвечал, что судьбой ему назначено заботиться о своем народе.

«Имя – Брук и фамилия – Брук?» – уточнил Норман при первом знакомстве. – «Да, у нас на острове такая прорва все-

го, что люди уже не стремятся к разнообразию».

Каждый раз, когда команды нападения и защиты сменяли друг друга на новом дауне, они с Бруком касались ладонями, и этим выходящий на поле обещал быть не хуже другого, сделавшего уже свое.

Какой был сезон!

– Мистер Грей, прошу вас, сосредоточьтесь.

– Брук. Мы играли в одной команде.

В глазах пожилого туземца что-то произошло.

Несколько секунд он недоверчиво смотрел на Грея, потом повернулся и посмотрел на портрет.

– Вы хотите сказать, что знакомы с Его величеством Президентом?

– Тогда он был на первом курсе Массачусетского технологического, а я на последнем. И я был капитаном команды.

Адвокат приоткрыл рот... подумал...

– Э, а вам не приходилось обижать нашего Президента?

– Обижать? Да мы его все любили! А я, как капитан, на него надышаться не мог.

– Как и весь наш народ, сэр! Как и весь наш народ!

Адвокат встал, для чего-то застегнул на пиджаке обе пуговицы...

– Рад был с вами познакомиться, сэр. Большая честь для меня.

– Ну что вы.

И тут же мысль о своем безвыходном положении вернула

Нормана на землю. Хотя вот, Брук... Но суду не прикажешь. Однако что если попробовать обратиться к Бруку с письмом, чтобы... как-то... А где адвокат?

— Большая честь для меня, сэр, — с поклоном произнес тот уже от дверей.

И скрылся.

Норман оторопел... и почувствовал опасную неуверенность за себя — для одной головы всего происходящего было чересчур много.

Дверь открылась и появились двое конвойных, с которыми он сюда шел. Один, кивком головы, показал «на выход».

Норман позволил себе робко поинтересоваться:

— Простите, а где адвокат?

В ответ ему просто равнодушно пожали плечами.

Опять несколько комнат с портретами Брука, и уже знакомый ему коридор...

Вниз... вверх...

Камера.

Нужно потребовать бумагу и ручку, каждый человек имеет право написать президенту, в том числе иностранец.

Да, только вот, дойдет ли оно до Брука?..

И во-вторых, прошло десять лет, люди меняются. И тот славный малый...

Брук излучал добродушие. Хотя не на поле. Там Брук был страшен. Нет, он никогда не играл грубо, но перехваченный им нападающий просто обрывался в одно мгновение. И

нередко кончалось травмами. Брук в раздевалке потом искренне огорчился. И обязательно шел на следующий день в больницу, если игра проходила у них в городе. А если на выезде, отправлял потерпевшему приятные деликатесы.

А какая стартовая скорость!

Да, был сезон!

Норман и сейчас помнит каждый матч так, что может увидеть почти все эпизоды.

А когда защита перехватывала мяч, Брук умудрялся продавить с ним даже три зоны.

Черт возьми, но кто-то ведь убил Бобби и девчонок!

И кто-то старался с палубы вскрыть дверку рубки. На ней не было окна, а замок, к счастью, был изнутри защелкнут. Убийцу испугало судно, которое оказалось недалеко. Или убийц?..

А что они знают об этих девчонках? Проститутки ведь всегда связаны с криминальным миром.

Мсть за девчонок?.. Или девчонкам за что-то?

Нет, вероятнее всего, просто захват яхты. И просчитались на том, что он был вне яхты на глиссере.

Но почему не набросились на него, когда он был на корме, поднимал глиссер?

Возможно, потому что от блоков, с края кормы, она вся хорошо видна, и он мог успеть спастись, прыгнув в воду.

И скорее всего, преступник был один. Скрывался, чтобы напасть со спины. Все-таки Норман не Бобби, и один человек

с ножом для него не очень-то страшен.

Хотя та кровь, надо признаться, вызвала у него стресс и панику – просто не видел никогда ничего подобного. К тому же, ни одного предмета под рукой, на этой яхте все гладкое, автоматическое... даже не было пожарного топорика.

Бобби ведь расплачивался там, в магазине, наличными, эта его манера – таскать с собой пачку денег. И какая-нибудь уголовная шушера решила, что на яхте есть чем поживиться.

Только вот... как они могли знать об их остановке ночью у берега на другой части острова?

Паршиво. У него есть мотивы, но нет серьезных доводов в свою пользу. И какого черта Бобби расщедрился, отписав ему в завещании половину!

Внутренний голос тут же поправил: нехорошо злиться на близкого друга, да еще за такое.

Стоп! А если... Норман попробовал спокойно оценить возникшую мысль.

Прошелся по камере...

Не так уж невероятно, если учесть, что Бобби владел многими десятками миллионов.

Завещанные конкретным организациям суммы на благотворительность не могут быть оспорены, а, вот, его половина вполне может достаться какому-нибудь «боковому» наследнику, и за такой приз организовать убийство на яхте – не очень-то трудная дело. Достаточно двух аквалангистов. И к яхте они могли подойти издалека, пользуясь легким подвод-

ным моторным двигателем.

Двух зайцев сразу...

Только никаких фактических признаков.

Или ему соврать, что он с глиссера видел поднимающуюся из воды на миг голову аквалангиста?.. И еще что-нибудь в этом роде?

Норман стал обдумывать.

Ходить и обдумывать.

Время от времени он посматривал на каменный проем с прутьями, потому что больше не на что было смотреть, и скоро отметил про себя, что день давно перевалил за половину. Солнце скосило лучи и стало влезать ими в камеру.

В целом, в голове сложился сюжет. Хотя не без вранья. Не только по поводу аквалангиста, но и слов Бобби о слежке за ним, которые тот никогда не произносил.

Что же он все-таки напишет Бруку, о чем его попросить?

Норман попробовал сосредоточиться на этой задаче, но почувствовал, что отвлекают посторонние звуки.

Непонятно какие, но отвлекают.

Там, за прутьями.

Много голосов... и будто команды.

Раздалась вдруг барабанная дробь.

Еще какой-то командный выкрик, и дробь усилилась.

Неприятно мелькнула мысль, что кого-то казнят.

Нет, он же вставал на столик и смотрел сквозь прутья, там небольшая площадь, и дальше видны дома. И не было ника-

ких сооружений, вроде эшафота или виселицы.

А может, уже есть?

Внезапно заиграл оркестр.

Норман прислушался, в мелодии почудилось нечто знакомое.

Оркестр – духовой, и не маленький.

Исполняют, показалось ему, на очень приличном уровне. Сыгранно, стройно... Но опять – так знакомо, откуда оно?

Торжественно, и торжественный строй достигает пафоса...

Вот, на вершине звучания музыка двумя финальными аккордами обсыпалась и затихла. Там, на площади, кажется, и раньше было тихо, а теперь тишина даже обрела неестественность.

И тут же в воздухе раздалось нечто трехкратное. Ну да, слившиеся, в один, человеческие голоса.

Это не похоже на казнь, скорее, какой-нибудь развод караула. Во вкусе туземцев.

Норман снова хотел вернуться к своим проблемам, и уже было начал... Изнутри, из коридора, тоже стали доноситься шумы... кто-то пробежал... и вдалеке отчетливо прозвучал голос, подавший команду: «Сми-ирно!».

Снова шум, уже приближающийся.

Норман, на всякий случай, отошел от дверей с неприятным ощущением, что могут идти к нему.

И правда, отпираемая дверь, за которой почувствовалось

много людей, лязгнула... и пугающе отлетела в сторону.

«А, черт возьми, коль так, он лучше погибнет в бою!» — левая рука вскинулась на отвлекающий финт, а правая приготовилась, и он уже сделал подшаг вперед для удара...

— Норман!!

Огромная темная туша влетела в камеру. В-ноль-секунд его плечи закричали в немыслимой силы лапах, а голова оказалась прижатой к темному сукну, от которого пахло тонкими приятными духами.

— Душа моя, вот счастье!

— Брук, это ты?

Его чуть отстранили, и Норман увидел лицо. С огромной белозубой улыбкой, не изменившееся ничуть за десять лет.

Брук снова прижал его к себе.

— Мой капитан! Как я рад, как я рад!

И повернувшись к скученным в дверном проеме головам, обнимая Нормана за плечи, представил:

— Лучший квотербек всего американского футбола! А вас, олухи, не научишь ничему путному. Быстро тащите чего-нибудь!

Мозги никак не поспевают за событиями.

Они сидят на тюремных досках за столиком друг против друга и вспоминают, вспоминают...

Брук открывает вторую бутылку шампанского. На столе дорогая снедь — икра, запеченный в каких-то пахучих ли-

стях омар...

Они уже собирались чокнуться, но раздалось повелительное:

– А где государственный секретарь?!

С той стороны произнесли через дверное окошко:

– Я здесь, Ваше величество.

– Зайди.

Появился средних лет туземец в очень хорошем, как и на Бруке, тонкого сукна костюме, только тоном светлее.

– Внеси сегодняшний день в число национальных праздников.

Тот мигом вынул блокнот и ручку.

– Как будет называться?

– Святого Нормана Грея.

– Прикажете епископу канонизировать?

– Разумеется.

Норман, вспомнив о главном, начал рассказывать Бруку про яхту, но тот небрежно махнул рукой:

– Я тоже тут после папы... люди иногда выводят из себя. Ты съешь икры.

Он встал и сунул голову к прутьям:

– Эй, там, веселенькое что-нибудь!

Приказы тут исполнялись с поразительной быстротой, Брук едва успел сесть, как громко, ладно и, действительно, весело зазвучал какой-то фокстрот.

– А здесь у тебя есть национальная команда?

– Народ спортивный, ты сам увидишь. Но вот проблема, – Брук досадливо качнул головой, – кусаются, черти, во время матча. Никак не могу отучить.

И снова воспоминания...

Скоро обоим сделалось так хорошо, что прилегли на доски на римский манер. Брук повелел принести ликеры.

А вскоре Норман неожиданно для себя заметил, что там, наружи, уже темно и камера освещена принесенными светильниками.

И тут же отметил сквозь легкий туман в голове оборвавшуюся за окном музыку.

Однако, вот, оркестр вновь заиграл. Торжественно, выделяя аккорды...

– Ха, – Брук ткнул большим пальцем в сторону прутьев, – не запылилась. Сейчас тебя познакомлю.

А Норман вдруг, наконец, узнал:

– Это гимн нашего университетского клуба!

– Да, – Брук улыбнулся во все белые зубы. – А теперь – гимн моего великого острова. Первая леди сама транспонировала его в более торжественные формы. – И чуть прислушался в сторону коридора... – Вот и она.

Норман посмотрел на дверь.

Открывая дверь, в проеме показался некто местный в ослепительно белом фраке и торжественно объявил:

– Первая леди!

Вслед за этим в камеру ступила высокое очень смуглое создание в сверкающем открытом платье с юбкой сильно выше колен.

После длинных стройных ног Норман увидел гриву волос и большие блестящие глаза, которые сразу вперились в Брука.

– Ты головой стукнулся?

И хотя вопрос был задан очень конкретно, Его величество Брук, не изменив римской позы, радостно показал на другой топчан:

– Дорогая, это мой друг и лучший квотербек всего американского футбола – Норман Грей. Присаживайся, дорогая.

Первая леди оглядела камеру.

– Куда мне присесть, на парашу?

Вопрос ушел туда же, куда и первый.

– Выпей с нами шампанского.

– Пошел ты на пальму! Брук, если ты начнешь управлять государством из камеры, народу это может скоро понравиться.

Она посмотрела на Нормана, который давно собирался соблюсти вежливость и встать, но, странным образом, сигналы от головы долго шли через тело в ноги.

– А вам, мистер Грей, если уж взбренило резать людей, надо было сбросить в океан трупы. Акулы бы слопали, и нет концов.

Она опять перевела взгляд на мужа.

– Ты, кажется, говорил, что квотербек – мозг команды.

– Мо-озг! – радостно подтвердил тот.

– Я вижу, какой он у вас у обоих. А на остров уже наперли чертовы журналисты. Ты слышишь? Надо завтра с этим покончить.

– По-кончим!

В подтверждение огромная лапа махнула в воздухе, и хорошо, что ничего не было на ее пути.

– Так, собирайся.

Брук начал медленно и без всякого удовольствия подниматься.

– Да. Только мне нужно отправить естественные для организма потребности.

– Нет, столько я ждать не могу. Вы, Норман, проведете эту ночь здесь. Там, у ворот, журналисты. Понимаете, кое-что приходится соблюдать.

На прощание Его величество решил обнять и поцеловать друга. Однако... подвело равновесие, и Норман какое-то время лежал на досках, приходя в себя и проверяя глубоким дыханием, не повреждена ли грудная клетка.

А потом все-таки нашел в себе силы сесть.

Вообще-то, от очень хороших напитков голова сохраняет определенную чистоту, и Норман вполне узнал своего адвоката, сидящего с другой стороны, на месте, покинутом Бруком.

– Выпьете чего-нибудь?

– Благодарю вас, сэр, я только для разговора.

– Ну, как угодно.

Норман налил себе шампанского и уставился на икру – есть ее еще или не есть.

– Сэр, – начал адвокат, очень ласково глядя, – задача совсем несложная, но вы должны четко придерживаться инструкций.

– Нет проблем. Может быть, выпьете все-таки и закусите.

– Не беспокойтесь, сэр, не беспокойтесь. И послушайте меня внимательно.

– Я весь...

– Завтра на суде вы не должны ничего рассказывать. А особенно того, что говорили мне.

Хотя не было настроения с чем-либо спорить, Норман удивленно вскинул глаза.

– Да, сэр. Говорить буду я, вы должны лишь отвечать на вопросы. Слово «нет», произнесете, только если спросят: «Вы убивали?».

– Но я, действительно, не убивал.

– Тем более, сэр, тем более. А на все остальные вопросы отвечаете «да». Односложно, сэр. Вы запомнили?

– ... да.

С левой стороны на груди адвоката, он только сейчас заметил, помещалось красивое, дюйма в два, изображение желтого попугая. С самоуверенным, если не сказать наглым, профилем. Ювелирная по качеству вещица.

Адвокат перехватил его взгляд.

– Награда за сообщение о вас Президенту. Высшая для человека моей профессии: «Попугай четвертой степени». За заслуги перед Отечеством.

– А какие бывают еще?

– О, «Зеленый попугай» – за большие заслуги. «Красный» – за огромные. И «Белый» – за сверхзаслуги. Таким орденом увековечен лишь Папа Римский и ваш президент.

– Вы католическая страна?

– Можно сказать, что так. Хотя наши люди больше всего верят в своего сиятельного Президента.

Норман подумал, что и сам сейчас в него больше верит...

Ночь прошла. Что-то было во сне иногда беспокойное, но короткими только моментами. Алкоголь высокого качества сделал свое – отключил те участки, от которых, вчера ему серьезно казалось, можно сойти с ума.

Он заснул на твердом топчане, а проснулся на мягком матрасе с чистым бельем, и в пижаме.

В камере большие напольные вазы с цветами, и это надо – старый грязно-рыжий унитаз заменили на белый новый.

На столе в ведерке со льдом шампанское, и еще всякое-разное.

Суд был назначен на двенадцать часов.

Из доставленного с яхты гардероба Норман приоделся в

то, что поостроже. И когда уже совсем был готов, начал все-таки волноваться.

Сам начальник тюрьмы поехал сопровождать его в тюремной машине и, извиняясь, произнес уже какие-то знакомые слова про вынужденные, диктуемые внешними обстоятельствами неудобства.

Зал был не очень большим, красиво отделанным полированным деревом. Норман сразу обратил внимание, что он заполнен публикой с белыми лицами в двух передних рядах и темно-смуглыми в остальных, коих было раз в десять больше. Сидевшие в первых рядах, имели блокноты и портативную звукозапись. А дальше, среди темной массы, у многих женщин почему-то были цветы.

Стрелки часов уже почти сошлись на двенадцати, но еще не совсем.

Норман сел, как положено, впереди, рядом с адвокатом.

Странно, почему здесь нет никаких портретов Брука? Он спросил.

– Как можно, сэр. Это было бы бестактно по отношению к независимой судебной власти.

Слева от них, из боковых дверей вышел человек в черной мантии и в той ромбообразной шапочке, которая осталась, кажется, еще с античных времен. Лицо – воплощенное беспристрастие и суровость. И Норман правильно догадался.

– Генеральный прокурор, сэр.

– Тогда процесс должен вести Верховный судья?

– Совершенно верно, сэр.

Дверь, чуть сбоку от судейской кафедры, открылась и появился некто в одежде пажа, исполненной в черно-коричневой гамме, и с жезлом в руках.

Жезл три раза стукнулся об пол.

– Его честь Верховный судья Грандайленда!

– Один раз «нет» и остальные «да», – быстрым шепотом напомнил ему адвокат.

Все встали при появившемся Верховном судье.

Тот, поднявшись на несколько ступенек к себе, положил перед собой два увесистых синего цвета тома, милостиво оглядел зал и дал знак садиться.

Большие очки и сам склад лица выдавали в судье человека благонравного и мудрого. Норману это понравилось, и стало спокойней.

Некто секретарского звания зачитал по бумажке чье дело рассматривается и в связи с чем.

Тут же он поднес и положил перед Норманом большущую Библию.

– Клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?

Норман положил на Библию руку и успел заметить стоявшее более мелкими буквами: «В картинках – для неграмотных и детей».

– Да.

Слово получил прокурор.

– Ваша честь! Трагедии, к сожалению, происходят даже на нашем острове.

Он сделал паузу, как будто предчувствовав реакцию соплеменников, – за спиной у Нормана прозвучал дружный печальный вздох.

– И мы убеждаемся, Ваше честь, что чаще всего причиной трагедии является сам человек.

Верховный судья обдумал фразу и согласно кивнул.

– Иногда не по злонамеренным планам или корыстному умыслу, Ваша честь, а по легкомыслию, кое является лишь внешне дружественным, а по сути, коварным спутником жизни.

– Н-да!! – стройно произнесли сзади этак голосов шестьдесят.

Верховный судья ласково поднял палец, чтобы не мешали говорить прокурору.

– Приходится замечать, что сторожащая человека умеренность иной раз покидает не только отдельных и редких граждан нашего острова, но и людей из Большого света.

Прокурор повел голову в сторону и посмотрел в первые два белых ряда. Верховный судья, чуть вытянув себя в кресле, взглянул туда же.

Там, за спиной у Нормана, завозились.

– И вместе со многими уважаемыми достижениями науки и техники этого большого мира мы видим злоупотребление

алкоголем, а порой и откровенный разврат.

– Фу!! – хором сказали сзади, а Верховный судья удрученно покивал головой.

«Ведет к тому, что я действовал в неконтролируемом состоянии», – подумал Норман, но тут же услышал, как прокурор произнес полное имя и фамилию Бобби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.